

Brandner, Aleš

Процесс интернационализации в русском языке

In: *Crossroads of cultures : Central Europe*. Pospíšil, Ivo (editor). 1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 2002, pp. 185-209

ISBN 8021028122

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/132587>

Access Date: 18. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ПРОЦЕСС ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ALEŠ BRANDNER (BRNO)

Язык является одной из важнейших сторон культуры народа. Каждое слово языка, каждая его форма - результат мысли и чувства человека, посредством которого отразились в слове природа страны и история народа. В истории языка весьма существенна роль государства, экономической и политической структуры общества, тех кардинальных изменений в жизни народа, которые не могут не влиять на развитие и состояние языка. Т. наз. экстралингвистические факторы зачастую могут играть решающую роль в истории языка. Развитие общества не может не сказываться на развитии языка, являющегося средством общения между людьми.

В русском литературном языке именно экстралингвистические причины определили те перемены в его системе на различных уровнях, которые обусловили научную необходимость рассматривать его формирование в течение исторического развития. Так как язык реагирует на все изменения в жизни носителей, можно наблюдать в ходе его формирования в прошлом существенные сдвиги в фонетике и произношении, морфологии и синтаксисе, словобразовании и лексике.

В XVIII в. распалось церковнославянско-русское двуязычие, которое веками существовало на восточнославянской территории. Специфика русского литературного языка нового времени состоит в том, что он является результатом слияния генетически церковнославянских и домашних, исконных (т. е. русских) элементов. Процесс осложнился тем, что его основа подвергалась с самого начала глубокому воздействию европейских языков. Приспособление русской литературной речи в широком масштабе к западным моделям вызвало сильную оппозицию некоторых писателей, в особенности по отношению к галлицизмам в лексике и синтаксисе. Важно установить в этой связи, что М. В. Ломоносов, Д. И. Фонвизин, В. Я. Шишков и другие, активно борющиеся против этого развития, рассматривали русский язык не как самостоятельный язык, а как отросток церковнославянского, с которым он неразрывно связан. В течение XVIII в. были сделаны две серьезные попытки восстановить литературный язык полностью на славяно-русской основе, совершенно исключая западноевропейские элементы: первая – М. В. Ломоносовым в области грамматики, вторая – по инициативе Д. И. Фонвизина в области лексики.

К концу XVIII в. в русском языке происходили решающие процессы. Главные задачи – нормирование грамматики и обогащение лексики. Что касается словарного состава, отвлеченная лексика больше всего нуждалась в дополнении и совершенствовании. Следующей задачей являлось создать терминологию для всех отраслей науки. Новые понятия и научно-культурные достижения распространялись всюду по Европе и вместе с ними их наименования, которые передавались или калькированием их внутренних форм, или непосредственно интернационализмами.¹ Этот процесс «европеизации» начался в XVIII в. и продолжается до настоящего времени.

Первым случаем употребления особого слова для обозначения интернациональности (международности) считают появление в 1780 г. английского прилагательного *international*. Это слово, построенное на общепринятом в Европе латинском материале и обладающее прозрачной внутренней формой, в течение XIX в. распространилось в европейских языках и в XX в. проникло в развитые языки всех континентов.

Международное по самой своей сущности не может существовать иначе, как в различных национальных реализациях. Общие признаки международной полностью относятся к интернациональным чертам в языках, в том числе к лексическим интернационализмам. Традиция закрепила последнее понятие за лексическими элементами различных языков, объединяемыми сходством значений и форм. Обязательным условием для признания сопоставляемых лексических элементов интернациональными является сходство их семантики. Они представляют собой синхроническую категорию и могут устанавливаться лишь применительно к определенному периоду. Интернационализмы, как и любые явления сферы межязыковой общности, являются неотъемлемой частью каждого из языков. Они стали общепризнанными в огромных районах формами семантического воплощения важнейших понятий современной культуры.²

Интернациональные слова возникли большей частью на основании греческих или латинских слов. Они обозначают понятия международного характера (т. е. из области политики, философии, культуры, науки, техники, искусства, спорта и т. п.) и, как правило, распространены в нескольких (минимально в трех) неродственных языках. Интернациональными становятся прежде всего существительные;

¹ Хютль-Ворт, Г.: О проблемах русского литературного языка конца XVIII – начала XIX в. In: Slované spisovné jazyky v době obrození. Sborník věnovaný Univerzitou Karlovou k 200. výročí narození Josefa Jungmanna. Univerzita Karlova 1974, s. 33–38.

² Акуленко, В. В.: Лексические интернационализмы и методы их изучения. Вопросы языкознания 1976, 6, с. 50–63.

они представляют приблизительно половину всего словарного запаса, так что в лексическом составе языка они занимают центральное место.

У европеизмов речь идет в большинстве случаев о словах, встречающихся в романской, германской и славянской группах языков. Неправильно заменять интернационализмы с заимствованными словами. Международная терминология имеет, безусловно, с заимствованными словами некоторые общие черты: большинство интернациональных терминов является заимствованными словами. Однако область интернационализмов уже, чем область заимствованной лексики. Международные термины иностранного происхождения образуют ту часть словарного состава, наличие которых в языке необходимо. Это, естественно, нельзя сказать о заимствованных словах: каждое заимствованное слово не всегда способствует обогащению лексического состава. Во многих случаях заимствованные слова могут портить язык, осложнять коммуникацию.

Интернационализмы имеют в большинстве случаев терминологическое значение. Они выступают как термины, т. е. наименования, имеющие в определенной области специальной коммуникации точную, специально ограниченную и однозначную семантику. Для этой функции интернационализмы являются подходящими уже потому, что они – в отличие от слов исконных – не отягощены мешающими конотациями. Интернациональные слова в каждом языке выполняют свою функциональную нагрузку и, соответственно, обогащают исконный лексикон.

Еще одно различие между интернационализмами и заимствованными словами заключается в том, что некоторые интернациональные выражения не являются заимствованными словами. Существует ряд интернационализмов, возникших в том или ином языке как из исконных, так из иностранных морфем. Никто не усомнится в том, что такие слова, как *совет*, *спутник*, *колхоз*, *хозрасчет*, являются словами интернациональными; однако с точки зрения русского языка это не заимствованные слова.

Следующее отличие между интернационализмами и заимствованными словами заключается в том, что интернациональные слова возникают как результат взаимного культурно-исторического влияния отдельных народов, между тем как заимствованные слова являются результатом взаимного влияния двух народов, ср. заимствованные слова русским языком: *беженец* (из чешского языка), *булка* (из польского), *хлебобор* (из украинского), *галстук* (из немецкого), *жилет* (из французского), *брюки* (из голландского), *мичман* (из английского), *арка* (из итальянского), *лошадь* (из тюркских языков). В случае русского языка важным фактором является также хронологический горизонт:

подавляющее большинство интернационализмов начало проникать в русский язык при Петре Первом, т. е. с конца XVII в., между тем как заимствованные слова – с самых древних времен.³

Современный русский литературный язык начинается с Пушкина. Во второй половине XVIII – первой половине XIX в. ведущую роль в развитии русского литературного языка играла художественная литература, сначала стихотворные, а затем прозаические жанры. Языковая реформа А. С. Пушкина, приведшая к установлению новых норм литературного языка, была осуществлена именно в системе художественной литературы.⁴ Однако она заложила основы для интенсивного развития научно-публицистических стилей во второй половине XIX в. Интенсивное развитие этих стилей и быстрый рост их значения в системе стилей литературного языка были обусловлены мощным подъемом разгоревшейся острой политической и идеологической борьбы. В такой обстановке возрастала роль журналов и газет, которые приобретали большое значение в развитии как общественной мысли, так и литературы. В журналах и газетах развивались такие жанры, как статья, очерк, фельетон и т. п., что приводило к развитию и совершенствованию соответствующих стилей изложения. Возрастающая роль публицистики во всех его жанровых проявлениях, рост периодических изданий, обостряющаяся борьба различных идеологических направлений не могли не привести к значительному изменению в развитии лексики и фразеологии русского литературного языка. Данные обстоятельства вызвали существенные изменения в его системе, отрыв от традиций художественной литературы как единственной области, где создавались и шлифовались его нормы. Газеты и журналы того времени стали проводниками новой, не усвоенной еще массовой книжной лексики, в том числе и терминологии. На страницах печати создавалась новая общественно-политическая терминология, совершенствовались многие элементы публицистического и научного функциональных стилей.⁵

Как одна из тенденций развития русского языка во второй половине XIX в. рассматривается интернационализация его лексики. Среди всех новых слов, вошедших в употребление в 1830–1870 гг., если их рассматривать с точки зрения непосредственного источника, заимст-

³ Jiráček, J.: K charakteristice internacionalismů v současné ruštině. Československá rusistika 14 (1969), s. 12–13.

⁴ Горшков, А. И.: История русского литературного языка. Москва, "Высшая школа", 1965, с. 167–183.

⁵ Шклярский, Г. И.: История русского литературного языка (советский период). Харьков, "Вища школа", 1973, с. 4.

вованные иноязычные слова занимают несколько более одной трети всего объема новых для русского литературного языка этой поры лексических элементов. Примерно две трети приходится на долю собственно лексических новообразований или представляют собой результат акклиматизации в литературном языке слов разговорно-просторечного, диалектного и профессионально-жаргонного источника.⁶

Процесс развития и роста значения научно-публицистических стилей приводил к широкому распространению научно-философской терминологии. Большое значение имело освоение интернациональной общественно-политической терминологии (см. *интернационал, коммунист, прогрессист, конституция, эксплуатация, социализм* и т. п.).

Интернационализация общественной жизни особенно активизируется с эпохи капитализма, однако в этот период она сталкивается с другой тенденцией – пробуждением национальной жизни и национальных движений. Развитие капиталистических отношений, промышленности, торговли, банков нашло свое отражение в рас-пространении специфической терминологии капиталистических отношений, главным образом – торгово-финансовой терминологии, широко используемой в публицистике (см. *афера, биржевик, дивиденд, концессия, спекуляция, тариф* и т. п.). В середине XIX в. характерным явлением для языка публицистики было употребление торгово-финансовых терминов в переносном значении (см. *кредит* «доверие», *дискредитировать* «лишать доверия», *вклад* «достижение», *акции* «возможности», «шансы на успех», *банкрот* «человек, потерявший авторитет», *обанкротиться* «потерять авторитет, доверие»).

Более чем одну треть всех новых явлений в области лексики во второй половине XIX в. представляют собой иностранные слова европейского происхождения. Речь идет о научных, литературных, социологических, экономических и политических терминах, которые усвоил русский литературный язык. Характерно, что слова заимствовались большими гнездами, а не отдельными лексемами (см. *абсолют* – *абсолютный* – *абсолютность*; *интеллигент* – *интеллигентный* – *интеллигентность*). Ю. С. Сорокин⁷ в своей содержательной монографии приводит около 2.000 таких гнезд. Их история не исследована. Это значит, что в большинстве случаев неизвестно, какие европейские языки были первоисточниками для каких основ и какие языки являлись посредниками в процессе проникновения этих слов в русский язык.

⁶ Сорокин, Ю. С.: Развитие словарного состава русского литературного языка (30–90-е годы XIX века). Москва, "Наука", 1965, с. 58–70.

⁷ Сорокин, Ю. С.: Указ. соч. с. 58.

Большинство лексических гнезд, за исключением образований в результате аналогий и образований без европейских эквивалентов, возникло в постоянном контакте с европейскими языками. Ю. С. Сорокин приводит в качестве иллюстрации два примера: *прогресс* и *прогрессия*, которые применялись в 30-ых годах, аналогично французским *progres* и *progression* в значении «успехи в развитии». Производный глагол *прогрессировать* появился в середине XIX столетия в более общем значении «делать успехи», также как и его западноевропейские соответствия.⁸ В середине 40-ых годов появились следующие политические термины: *прогрессивный* «передовой», *прогрессивность* и *прогрессист*, а именно параллельно с французскими и английским эквивалентами. Как семантическое развитие, так и структуры этих слов свидетельствуют об иностранном влиянии. Словообразовательная морфема *-ив-* до этого периода в русском языке не существовала. Если бы производное слово было образовано на основе аналогии, то следовало бы ожидать *прогрессный*, *прогрессность*. То, что словообразование от интернациональных слов происходило в очень тесном контакте с западноевропейскими языками, подтверждают также возникшие в XIX в. суффиксы прилагательных на *-альн-*: *формальный*, *-ональн-*: *национальный*, *-арн-*: *парламентарный*, *-озн-*: *грациозный*, *-ивн-*: *оперативный*.⁹

В последние десятилетия XIX в. и в начале XX в. продолжается освоение новых заимствований. В отличие от предшествующего времени заимствование собственно лексических единиц становится менее значительным, а освоение морфем, развивших на русской почве словообразовательную активность, расширяется. Широкое использование иноязычных элементов в качестве строительного материала для новых образований создает новую структуру слова. Утратив морфологическую связь с языком-источником, иноязычные элементы типа *гидро-*, *гипер-*, *мета-*, *пан-*, *поли-* и др. служат для образования новых слов: *гидросфера*, *пандемия*, *поликлиника*, *гипертрофия*, *метатеза*.¹⁰ Тесно связан был с явлениями на Западе процесс терминологизации. Создавалась новая общественно-политическая терминология, совершенствовались многие элементы в рамках развития публицистического и научного функциональных стилей. Новые политические значения

⁸ Сорокин, Ю. С.: Указ. соч. с. 83 и сл.

⁹ Очерки по исторической грамматике русского языка XIX века. Под ред. В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой. Т. 1: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века. Москва, "Наука", 1964, с. 364–376.

¹⁰ Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века. Ответ. ред. Ф. П. Филин. Москва, "Наука", 1968, с. 171.

таких слов, как *подполье, провокация, ликвидировать, ячейка* и др. имеют точные параллели в европейских языках. То же самое относится к детерминологизации: *депрессия, зондировать, циркуляция, амальгама* и многие другие слова имеют такие же значения, как и в западных языках. Из сказанного следует, что все процессы, которым подверглись иностранные основы и заимствованные слова в русском языке, происходили в постоянном контакте с их европейскими источниками или языками-посредниками, а именно в течение всего столетия, вернее от начала XIX до начала 20-х годов XX в.

В истории каждого народа есть эпохи особенно резко и существенно меняющие жизнь общества. Наиболее показательны в этом отношении те периоды, которые связаны с революционными событиями. Изменение словарного состава в период смены старых общественных отношений новыми, не создает разрыва между предшествующим и новым состоянием языка. Это изменение совершается путем постепенного накопления новых лексических групп и появления новых семантических нюансов, в процессе постепенного отмирания ненужных слов, а также путем постепенного складывания новых семантико-стилистических взаимоотношений и связей в пределах существующей лексической системы. Степень интенсивности изменений словарного состава в разные исторические эпохи и качество этих изменений различны и тесно связаны с характером изменений в жизни народа. Эпохи смены общественных формаций и эпохи революционные всегда сопровождались ускоренным темпом развития словарного состава языка. Революционные действия 1917 г. отразились прежде всего на состоянии лексики русского литературного языка. Сотни слов были, между прочим, переведены из активного в пассивное словопотребление. Происходило также пополнение словарного состава литературного языка за счет заимствований. По сравнению с XIX в. и началом XX в. в русский язык в первом десятилетии советской власти входит небольшое количество новых иноязычных выражений. Слабые экономические и культурные связи с другими государствами не способствовали развитию языковых контактов.¹¹ В 20-е годы в русский язык вошли семантически разнородные слова: *концерн, кино, радио, такси, свитер, фильм* и др. С конца 20-х годов количество заимствований стало увеличиваться. Постепенное развитие техники, промышленности, науки требовало пополнения словаря прежде всего в области технической и научной терминологии (*директор, комбайн, контейнер, троллейбус, коктейль, пуlover, слалом, метро* и др.).

¹¹ Ожегов, С. И.: К вопросу об изменениях словарного состава русского языка. Вопросы языкознания 1953, 2, с. 71–83.

В годы Великой Отечественной войны широко употреблялись немецкие слова, связанные, с одной стороны, с наименованием и характеристикой вражеской техники (*месер, шмидт, юнкерс, фаустпатрон*), структуры немецкой армии и политического строя Германии (*фюрер, абвер, гестапо, блицкриг*).

С середины 50-х годов происходит сдвиг в области международной политики СССР, усиливаются контакты со многими странами, становятся более активными культурные и экономические связи с ними. В связи с этим происходит интенсификация процесса заимствований и значительно расширяется их тематический круг – от новых научных терминов до лексики повседневной жизни. В это время в русский язык входит большое количество заимствований (чаще всего из английского языка). Это особенно спортивные термины (*аутсайдер, бадмингтон, дзюдо, стоппер, стайер, юниор*). Далее в русский язык вошли слова-названия новых реалий из различных областей жизни: *акваланг, кемпинг, мотель, нейлон, шорты, джинсы*.

Усиление процессов заимствования многоязычной лексики, в основном американского и английского происхождения, выдвигает среди русских языковедов вопрос о сознательном регулировании заимствований. Если в области терминологии различных областей науки и техники решающая роль принадлежит специалистам и лингвистам, то при оценке заимствований в бытовой сфере следует учитывать и реакцию общественности на процессы заимствования. Поток заимствуемых новых слов противостоит тенденции к самобытности словарного состава русского литературного языка, он ведет к переходу в пассивный словарь многих исконно русских слов и противоречит сложившейся традиции – искать в родном языке средства выражения новых понятий.

Среди семантических изменений в языке последних десятилетий на первое место вышли метафорические переносы. Зачастую метафоризируются слова ранее узкопрофессионального характера. Сюда можно отнести ряд детерминологизированных спортивных слов, как например *старт, финиш, нокаут, эстафета* и др. Язык науки и техники дал большое количество переосмысленных, семантически расширенных общелитературных слов: *контакт, вакуум, амортизация, инфляция, валентность, параметр, синхронный, лимит, локальный, корреляция* и др.¹²

Основным атрибутом лексики 90-х годов XX в. является серьезное расширение словарного состава новыми лексическими единицами.

¹² Капанадзе, Л. А.: Взаимодействие терминологической и общеупотребительной лексики. In: Развитие лексики современного русского языка. Москва, изд-во АН СССР, 1965, с. 86–104.

Новые слова появляются, однако, только в определенных областях языка. Отчетливее всего изменилась в этом отношении область экономики, куда попало много новых слов (*аудитор, гиперинфляция, ноу-хау, холдинг, ипотека, лизинг, дистрибьютер*). Далее здесь можно вспомнить слова, которые раньше редко встречались, многие даже попали в забвение (ср. *бизнес, банкрот, биржа, дивиденды, коммерсант, офис, сертификат*).

Распространение новых слов можно наблюдать также в политической сфере (*брифинг, имидж, консенсус, лоббирование, путч, рейтинг, саммит, элита*) и в социальной области (*акция, бомж, ризлтер*).

Из административной лексики можно здесь указать: *департамент, префектура, муниципалитет*; из области культуры и образования: *грант, истеблишмент, колледж, масс-медиа, тинейджер, видеоклип, бестселлер, казино, кич, плеер, продюсер, сексапил, трилер*.

Специфической чертой лексики русского языка современной эпохи является существенное пополнение словарного фонда новыми именами существительными и производными прилагательными. От них образуются прилагательные. Среди других частей речи новые выражения почти не засвидетельствованы. Интересно также то, что новые слова появляются не из области производства, а прежде всего из сферы торговли и финансов. В данном случае можно говорить об обогащении языка, хотя отдельные слова употребляются не с одинаковой частотностью. Это обстоятельство является причиной того, что значительная часть новых слов для носителей языка непонятна.

Если словарный состав реагирует очень быстро и чутко на все экстралингвистические факторы, то грамматический строй языка, по сравнению с лексикой, характеризуется минимальной восприимчивостью к внешним явлениям и чрезвычайно медленной изменчивостью. История русского языка с середины XIX в. по настоящее время позволяет говорить о ряде изменений, которые в своей совокупности свидетельствуют о проявившихся тенденциях в развитии грамматической системы. Причины наметившихся изменений, с одной стороны, объясняются действием внутренних сил закономерностей языка, а с другой стороны, явлениями социальными – активным взаимодействием литературной и внелитературной речи со всеми вытекающими отсюда последствиями. Действие внутренних закономерностей языка представляет собой, например, стремление к аналитизму.¹³

Склонность к аналитизму является характерной чертой для русской морфологии и синтаксиса, начавшей проявляться во второй половине

¹³ Тираспольский, Г. И.: Становится ли русский язык аналитическим? Вопросы языкознания 1981, 6, с. 37–49.

XIX в. Аналитизм определяется как расчлененность лексического и грамматического компонентов некоторой формы.¹⁴ Основным признаком аналитических единиц является то, что у них грамматическое значение передается вне пределов данного слова, т. е. средствами контекста (в широком смысле). Этот феномен можно объяснить влиянием аналитических европейских языков. Тенденцию можно рассматривать как одну из форм проявления «интернационализации», т. е. сближения с другими европейскими языками.

Аналитизм в морфологическом строе имеет следующие проявления: 1/ аналитизм номинации (т. е. усвоение и формирование слов с аналитическими свойствами, например, *пальто, метро, ГЭС, луна-парк*); 2/ аналитизм грамматикализации (возникновение аналитических форм типа *буду писать, я прочитал*); 3/ аналитизм категоризации (т. е. формирование частей речи с аналитическими свойствами, например, наречий и безличных предикативов).

В центре нашего внимания будет прежде всего аналитизм номинации – усвоение и формирование существительных с аналитическими свойствами, т. е. несклоняемых существительных. В связи с ростом аналитизма их следует поставить на первое место, хотя в процентном отношении они занимают незначительное место, но их состав пополняется все время новыми лексическими единицами. Заимствованные несклоняемые существительные начали употребляться в русском языке с середины XVIII в. Вплоть до середины XIX в. многие или не склонялись, или приспособлялись к нормам русского языка, т. е. получали соответствующие флексии.¹⁵

В XVIII в. и в первые десятилетия XIX в. названные слова так или иначе применялись к системе русского склонения, иногда изменяя даже свою исходную форму (ср. *кофий, желей*). Однако по причинам внутреннего и внешнего характера, среди которых немаловажную роль играла общая тенденция развития грамматического строя русского языка к аналитизму, уже со второй четверти XIX в. эти слова нередко употреблялись как неизменяемые. Во второй же половине XIX в. направление процесса в сторону неуклонного распространения неизменяемости у таких существительных выступает со всей отчетливостью. На рубеже XIX–XX вв. они сформировали особый разряд неизменяемых слов (ср. *ателье, танго, дерби, интервью, какао, бюро, домино, мадам*,

¹⁴ Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. In: Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. Под ред. М. В. Панова. Москва, "Наука", 1968, с. 9–18.

¹⁵ Мучник, И. П.: Неизменяемые существительные, их место в системе склонения и тенденции развития в современном русском литературном языке. In: Развитие грамматики и лексики современного русского языка. Москва, "Наука", 1964, с. 153–158.

филе, рагу, бра ...). Вместо старых употреблений *на бюро, в домине, какао, мадама, филей* – теперь приняты только несклоняемые формы этих слов.¹⁶

Свидетельство Н. С. Трубецкого показывает, как воспринимались еще сравнительно недавно носителями литературного языка изменяемые формы заимствованных слов с конечными гласными: «...существительное *пальто*, которое согласно правилам грамматики в качестве иноязычного заимствования не склоняется, в менее культивированном языке изменяется по падежам и образует форму множественного числа *пальта*, которая для людей моего поколения являлась, хотя, конечно, в несколько просторечной, но все же вполне нормальной формой (несклоняемое *пальто* я воспринимаю как искусственную форму).»¹⁷

Если в XIX в. эта группа существительных пополнялась медленно, то в течение XX в., особенно с 20-х годов XX в., в связи с изменившимися социальными условиями этот процесс весьма активизировался. Дело в том, что уже к началу XX в. усиление элементов аналитизма в системе склонения существительных достигло значительного развития. Причины возникновения несклоняемых существительных в русском языке объясняются влиянием как внешних, так и внутренних факторов существования языка. Среди внешних факторов указывают на роль салонной речи в XIX в., в котором иностранное слово окружалось почтением и уважением. Однако важнее внутренние, собственно языковые факторы. В первую очередь следует указать на уже упомянутую тенденцию к аналитическому способу выражения грамматических значений. Далее следует иметь в виду несоответствие основ заимствованных существительных фонетическими нормами русского языка. Основы русских существительных всегда оканчиваются на согласный, заимствования типа *рагу, колибри, метро, депо, филе* воспринимаются как основы слов с конечным гласным. Именно поэтому они не включились в парадигму существующих типов склонения и остались несклоняемыми.

Главное в специфике несклоняемых слов типа *пальто, бюро, ГЭС* состоит в том, что они без помощи аффиксальных средств способны сочетать свою лексическую семантику с теми реляционными значениями, которые в русском языке, как правило, выражаются падежными

¹⁶ Мучник, И. П.: Грамматические категории глаголов и имени в современном русском литературном языке. Москва, "Наука", 1971, с. 245–287.

Русская грамматика I. Москва, "Наука", 1980, с. 505–507.

¹⁷ Trubetzkoy, N.: Das morphologische System der russischen Sprache. TCLP, v. 52. Prague 1934, s. 37.

флексиями (ср. *кирпичный дом* – *кирпичного дома X справочное бюро* – *справочного бюро, коричневое пальто* – *коричневого пальто, новая ГЭС* – *новой ГЭС*). Налицо своеобразное и сравнительно новое единство означаемого и означающего: типичные для языка элементы плана содержания – падежные значения – сочетаются с новыми элементами плана выражения. Своеобразие этих новых единств означаемого и означающего заключается прежде всего в том, что они отличаются весьма сложным переплетением синтетических и аналитических черт. Правильно замечание А. И. Смирницкого¹⁸, что в словах типа *метро, депо, такси, бра* «имеется в сущности омонимия ряда различных форм». Это не мешает признать, что у таких слов обнаруживаются значительные черты грамматической аналитичности.

Неизменяемые заимствованные слова встречаются не только в русском, но и в других славянских языках. Характерно, однако, что процессы грамматического освоения этих слов в русском литературном языке уже с давних пор отличались от соответственных процессов в других славянских литературных языках. В них отчетливо выступает тенденция к включению всех заимствованных слов в действующую систему склонения, к последовательному превращению морфологически неизменяемых слов в изменяемые. В русском литературном языке, наоборот, у заимствованных слов с конечными гласными фонемами <о, э, у, и, а> проявляется настойчивая тенденция сохранить неизменяемым морфологический состав в любых синтаксических сочетаниях.

Процесс расширения группы неизменяемых существительных, протекавший в XIX в. чрезвычайно медленно и относительно равномерно, претерпел с 20-х годов XX в. существенные сдвиги, вызванные прежде всего коренным образом изменившимися социальными условиями языкового развития.

Группа заимствованных слов с конечным гласным, составлявшая ранее единственный тип неизменяемых существительных, не только количественно увеличилась, но и весьма активизировалась. Многие из этих слов приобрели большую частотность. В новых общественных условиях стали чаще употребляться такие неизменяемые слова, как *кино, кило, фото, метро, депо, такси, радио, пианино, кафе, кофе, фойе, конференсье, табло, эскимо, рагу, пюре, трико, алиби, янки, кули* и ряд других. Широкая употребительность этих слов в значительной мере привела к тому, что они часто не ощущаются заимствованными и становятся обычными элементами русской лексики. Следовательно, привычной становится и присущая им неизменяемость.

¹⁸ Смирницкий, А. И.: Лексическое и грамматическое в слове. In: Вопросы грамматического строя. Москва, изд-во АН СССР, 1965, с. 34.

В связи с неизменяемыми существительными надлежит упомянуть также имена женского пола, оканчивающиеся на твердый согласный (ср. *Кармен, Элен, Элизабет*), далее фамилии с твердой согласной в конце основы (ср. *Альбрехт, Гинзбург, Поляк, Тагер, Шмидт*), от которых не образуются специальные формы обозначения лиц женского пола (ср. *Я переписываюсь с Федором Борисовичем Альбрехтом X На вокзале мы встречали Нину Константиновну Альбрехт*),¹⁹ иноязычные мужские имена и фамилии, оканчивающиеся на гласные (ср. *Гете, Бруно Гюго, Гарibaldi, Шоу*; однако имена и фамилии на *-а* в устной и письменной речи склоняются, ср. *беседа с А. Вайдой, стихи Б. Окуджавы*), фамилии типа *Дурново, Сухово, Хитрово, Живаго, Мертваго, Черных, Крученых, Островских*, фамилии на *-о, -ко, -енко* (ср. *Дыбо, Шевченко, Короленко, Головки, Ляшко, Франко, Янко*), географические названия на *-ово, -ево, -ино, -ыно* (ср. *Воронцово, Шелково, Шереметьево, Тушино, Останкино, Пушкино, Голицыно*), далее географические названия (обычно иноязычные), оканчивающиеся на гласные (кроме *-а* и *-ы*), ср. *Баку, Перу, Сухуми, Тбилиси, Хельсинки, Чили, Бордо, Осло, Токио*.

Указанные географические названия с суффиксами *-ово, -ево, -ино, -ыно* существуют в системе русской топонимики очень давно, но только в XX веке они стали переходить в разряд неизменяемых существительных. Тенденцию к неизменяемости они обнаруживают особенно в современной разговорной, профессиональной, газетной речи (ср. *до Тушино, из Внуково, от Поронино, около Шереметьево*). Однако в письменной речи у них преобладает употребление изменяемых форм.²⁰ Их несклоняемость нормальна в следующих случаях:

1/ Если такое наименование является приложением к одному из следующих обобщающих слов: *село, деревня, поселок, станция, становище, город* (ср. *в селе Василково, в поселке Пушкино, в деревне Белкино, на станции Гоголево*).

2/ Если населенный пункт назван собственным именем известного лица: *около Ретино, недалеко от Лермонтово*.

Что касается фамилий украинского происхождения с суффиксами *-ко, -енко*, уже в XIX в. характерны разнообразные колебания: они изменялись (в современной разговорной речи до сих пор могут изменяться) по парадигмам I и II склонения; наряду с этим наблюдались и случаи их неизменяемости. Современные факты свидетельствуют о том, что в большинстве случаев эти слова остаются неизменными.

¹⁹ Kubík, M.: Ženské osobní názvy v ruštině a češtině. Bulletin VŠRJL. Praha 1956, s. 115–130.

²⁰ Русский язык конца XX столетия (1985–1995). Москва, "Языки русской культуры", 1996, с. 330–333.

В настоящее время эта тенденция все более и более укрепляется. Она поддерживается отсутствием образца для склонения, поскольку среди слов среднего рода почти нет существительных одушевленных.

Существенное место среди несклоняемых существительных стали занимать уже названные различного типа аббревиатуры (ср. *МГУ, ВДНХ, МТС, село, облоно, роно, завбиблиотекой*). Речь идет о различного типа неологизмах-аббревиатурах, которые возникли в советский период.

Среди аббревиатур может быть выделен ряд структурно отличающихся друг от друга групп:

1. Существительные типа *ГОЭЛРО, СТО, роно, самбо, райфо, село*.

Неизменяемость этих сложносокращенных слов обусловлена наличием конечного *-о* корневой морфемы, и в этом они сходны с заимствованными словами такой же структуры.

2. Аббревиатуры типа *МТС, РТС, АТС, РСФС*.

У этих слов неизменяемость обусловлена двумя факторами:

а/ несоответствием между принадлежностью слова к женскому роду и его морфологическим обликом (наличие конечного твердого согласного при нулевой флексии) и б/ спецификой звукового состава слова, представляющего сумму названий букв: поскольку названия букв в русском языке являются неизменными словами, это, естественно, тоже служит препятствием к включению данных слов в парадигму склонения.

3. Существительные типа *ССРЗ, ВЦСПС, ВЛКСМ, КВМ, НЭП*.

Здесь только один фактор обуславливает их неизменяемость: Звуковой состав, который представлен суммой названных букв.

4. Аббревиатуры типа *ГЭС, РАПП, ЧОН, ВАК, ООН, ЖЭК*.

Их оформление в качестве изменяемых или неизменяемых существительных зависит от двух факторов: морфологической структуры и родовой принадлежности. Имея в своем исходе твердый согласный, эти слова должны были бы включаться по своей структуре в разряд существительных, изменяемых по парадигме склонения мужского рода. Этому, однако, противодействует принадлежность данных аббревиатур к женскому роду (в тех словосочетаниях, с которыми аббревиатуры соотносятся, главное слово – женского рода: *ГЭС* – гидроэлектростанция). Из двух указанных факторов второй является более слабым, так как родовая принадлежность аббревиатуры, во-первых, не основывается на реальной семантике слова и, во-вторых, опирается на морфологическую структуру не самой аббревиатуры, а стержневого слова соответствующего ей словосочетания. Эти обстоятельства создают

предпосылки для морфологической изменяемости слова, а изменяемость здесь возможна лишь по парадигме мужского рода. При употреблении названных аббревиатур в речевой практике имеется значительное число колебаний, однако можно сказать, что в настоящее время их неизменяемость укрепила свои позиции (по сравнению с прошлым).

5. Сложносокращенные слова типа *ЦИК, ВЦИК, ГАБТ, МИД, МХАТ*.

Изменяемости этих аббревиатур не препятствует ни один из вышеуказанных факторов: они не состоят из названий букв и не относятся к женскому роду. И все-же они довольно часто остаются неизменяемыми.

Таким образом, аббревиатуры всех рассмотренных групп в силу присущих им морфологических и морфонологических особенностей (а в некоторых случаях и независимо от них), следовательно, под давлением общих тенденций развития грамматического строя языка вовлечены в ту часть лексики, которая выражает падежные значения не флексиями, а аналитическими средствами.²¹

В родовой принадлежности некоторых сложносокращенных слов происходят значительные изменения. Согласно существующему правилу грамматический род звуковых аббревиатур определяется по стержневому слову. Из этого следует, что, например, *ВАК* (= Высшая аттестационная комиссия) – женского рода (стержневое слово – *комиссия*), *роно* (= районный отдел народного образования) – мужского рода (стержневое слово – *отдел*), однако общее правило непрерывно расшатывается речевой практикой. Наряду *ВАК рассмотрела диссертацию* (согласование с *комиссия*) или *Роно дал указание* (согласование с *отдел*) в настоящее время можно также употребить *ВАК рассмотрел диссертацию*, *Роно дало указание* (сложно-сокращенные слова по фактическому облику воспринимаются как существительные, в первом случае мужского рода, во втором – среднего рода, чем обусловлено и согласование). Колебания в роде аббревиатур и мнимые нарушения нормы вызваны прежде всего внутренним противоречием между этимологической и формальной мотивированностью рода. Для современного восприятия слова с конечным твердым согласным – это, как правило, существительное мужского рода. По аналогии с ними и аббревиатуры, которые теперь воспринимаются как целостные слова, становятся именами мужского рода (ср. *ВАК, НОТ, МХАТ, вуз*). Подобным образом аббревиатуры *роно, районо* и т. п. были

²¹ Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. In: Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. Под ред. М. В. Панова. Москва, "Наука", 1968, с. 59–64.

автоматически сближены со словами среднего рода на *-о*. Другой причиной колебаний явилась и сама трудность этимологической расшифровки словосочетания, послужившего основой для создания данной аббревиатуры.

Особенно желательной с точки зрения аналитизма является нулевая флексия. Рост употребительности форм род. п. мн. ч. с нулевой флексией был стимулирован в первую очередь развитием аналитизма в русской морфологической системе.

Слова с нулевой флексией в им. п. ед. ч. и род. п. мн. ч. в современном литературном языке не выходят за пределы узких лексико-семантических разрядов. Именно на этой основе формы род. п. мн. ч. с нулевой флексией классифицируются современными грамматиками. По лексико-семантическому признаку выделяются следующие ряды слов:

а/ Названия лиц по принадлежности к национальным, социальным, религиозным и иным группам: *башкир – башкиры, башкир; грузин – грузины, грузин; осетин – осетины, осетин; румын – румыны, румын; турок – турки, турок; болгарин – болгары, болгар; татарин – татары, татар ...*

б/ Названия разнообразных единиц измерения: *алтын, ампер, аршин, ватт, вольт, вольтампер, гаусс, грамм, килограмм ...*

в/ Названия овощей, плодов (нулевая флексия встречается в разговорной речи, не отвечает литературной норме): (килограмм) *абрикос, апельсин, баклажан, банан, мандарин, помидор ...*

г/ Названия лиц по принадлежности к воинским соединениям: *солдат – солдаты, солдат; партизан – партизаны, партизан; гусар – гусары, гусар; драгун – драгуны, драгун; кадет – кадеты, кадет ...*

д/ Названия парных предметов: *глаза – глаз; ботинки – ботинок; валенки – валенок; сапоги – сапог; чулки – чулок; мокасины – мокасин; штiblеты – штiblет; погоны – погон; манжеты – манжет; гольфы – гольф («чулки до колен»), кеды – кед ...*

Обращает на себя внимание контрастность форм единиц измерения *грамм, килограмм* с нулевой и ненулевой флексиями в разных видах речи. В письменной речи употребляется в настоящее время формы *граммов, килограммов*, в устной – *грамм, килограмм*.

Формы с нулевой флексией настойчиво утверждаются у названий овощей и фруктов. На традиционные формы *килограмм помидоров, тонна апельсинов* в настоящее время все более и более активно ведут наступление формы с нулевым окончанием – *килограмм помидор, тонна апельсин*, свойственные разговорной речи. Однако нельзя признать равноправность этих форм. Здесь весьма существенно то, что рассматриваемые морфологические варианты обнаруживают определен-

ную зависимость от значения падежа и характера словосочетаний. Варианты с нулевой флексией не только свойственны разговорной речи, но и употребляются обычно в стандартных количественных сочетаниях со словами, обозначающими единицы измерения (ср. *сто грамм, пять килограмм, килограмм помидор, тонна апельсин*). При обозначении, например, отдельных (считаемых) предметов или в других значениях применяются только формы с флексией *-ов* (ср. *пять помидоров, запах апельдинов, ящик из-под мандаринов* и т. п.).²²

В течение XX в. под сложным воздействием внутриязыковых тенденций и социальных факторов значительно изменилась у существительных в русском литературном языке структура грамматического рода. Это объясняется тем, что, во-первых, у существительных, обозначающих лицо, родовые различия наделены семантическим значением, а социальные факторы наиболее активно и непосредственно воздействуют на содержательную (смысловую) сторону языка; во-вторых, события в новых социально-политических условиях касались прежде всего людей и их взаимоотношений в обществе. Это нашло свое отражение (правда, косвенное) в разряде существительных со значением лица.

В 20-30-е годы происходит формирование особого подкласса имен существительных общего рода, представляющих собой чаще всего наименования лиц по профессии, специальности. Их количество с течением времени стало увеличиваться. Грамматический род таких слов, как *автор, бухгалтер, врач, геолог, инженер, кондуктор, лектор, педагог, секретарь, управдом* ... можно уяснить только из контекста, чаще всего, по сказуемому, обыкновенно выражающемуся глагольной формой прошедшего времени на *-л*, иногда краткой формой причастия или же формами синтаксического прилагательного. У значительного числа этих существительных потенциально выступают и, как правило, реально аналитические средства выражения рода. В русском литературном языке последних десятилетий это довольно обычное явление. В связи с распространением среди женщин всех профессий, в современном языке в подобных случаях может иметь место употребление сказуемого в форме рода, соответствующего полу лица, о котором идет речь, а не грамматическому роду имени существительного, ср. *Инженер высказала свое мнение, Кондуктор дала сигнал к отправлению, Наша директор еще не пришла, Врач уже приехала, Секретарь разослала письма всем членам комиссии, Управдом выдала справку, Бухгалтер*

²² Русская грамматика I. Москва, "Наука, 1980, с. 499–500. Горбачевич, К. С.: Нормы современного русского литературного языка. Пособие для учителя. Издание второе, исправленное и дополненное. Москва, "Просвещение", 1981, с. 153–154.

подвела итоги. Таким образом, форма существительного мужского рода, наряду со своей способностью обозначать лицо мужского пола, приобрела способность обозначать лицо в отделении от пола, т. е. выступать в роли общего рода.²³ Возникновение выше приведенных конструкций было обусловлено тем, что система суффиксальных средств существительных оказалась не в состоянии удовлетворить потребности языка в ряде новых женских названий лиц по профессии и специальности. Историческая эволюция рода в русском языке обнаруживает общую закономерность: когда возникает конфликт между структурной и семантической стороной в родовых противопоставлениях, победу одерживает семантика.

Случаи аналитизма стали проявляться, начиная с 70-х годов XIX в., также среди имен прилагательных. Сюда можно отнести некоторые цветообозначения (ср. *платье беж, костюм хаки*), разновидности некоторых изделий (ср. *юбка клеш, воротник плиссе*) и некоторые другие (ср. *часы пик, стиль модерн*). Расположение прилагательного всегда после существительного в известной степени освобождает говорящего от необходимости употребления склоняемой формы. Эта группа прилагательных представляет собой результат прониновения в русский язык заимствований. Аналитические прилагательные, выполняя функцию определителей при существительном, не имеют обычной для прилагательных морфологической оформленности (они лишены внешних морфологических примет своей категории).²⁴ Отсутствие морфологических примет категории прилагательных и характерная для этой группы слов постпозиция по отношению к определяемому слову дают, однако, повод для критического отношения к вышеуказанной грамматической характеристике.²⁵ Как известно, прилагательное в значении определения в современном русском языке обычно ставится перед определяемым словом (существительным). Учитывая эту особенность

²³ Горбачевич, К. С.: Изменения норм русского литературного языка. Ленинград, "Просвещение", 1971, с. 179–185.

Jiráček, J.: К одному сдвигу в морфологической системе кодифицированного русского литературного языка советского периода. In: *Slovenské studie. Sborník na počest 35. výročí osvobození Československa Sovětskou armádou a pětáctiletí rusistiky na filozofické fakultě brněnské univerzity*. Univerzita J. E. Purkyně 1979, s. 159–169.

Русский язык конца XX столетия (1985–1995). Москва, "Языки русской культуры", 1996, с. 327–330.

²⁴ Виноградов, В. В.: Русский язык. Грамматическое учение о слове. Москва, Учпедгиздат, 1947, с. 259.

²⁵ Мельников, Е. И.: К вопросу о неизменяемых прилагательных в русском языке. *Československá rusistika* 8 (1963), s. 83–85.

Мельников, Е. И.: Иноязычные заимствования в русском языке, относящиеся к неизменяемым прилагательным. *Československá rusistika* 23 (1978), s. 159–166.

русского прилагательного, можно было бы считать слова *беж*, *бордо* в словосочетаниях *цвет беж*, *цвет бордо* не прилагательными, а существительными-приложениями. Однако в грамматическом отношении те же слова в таких словосочетаниях, как *платье беж*, *лента бордо* представляют собой прилагательные со значением цветового названия. Цвет чего-нибудь (какого-либо предмета) в русском языке обычно обозначается прилагательным с семантикой цветового названия или сочетания, состоящим из слова «цвет» (в родительном падеже), ср. *платье беж* – *бежевое платье* – *платье бежевого цвета*; *ткань бордо* – *бордовая ткань* – *ткань цвета бордо*) или существительным (ср. *ткань цвета охры*). В таких словосочетаниях, как *платье беж*, *шляпа бордо* и т. п., связующий элемент «цвета» отсутствует, а слово, обозначающее цвет (окраску), не является существительным. В этом можно убедиться, если подставим вместо *беж*, *бордо* другое обозначение цвета, представляющее собой склоняемое слово – существительное (например, *лазурь*). Можно сказать *платье цвета лазури* или *платье цвета «лазурь»* (т. е. цвета, называемого лазурью), но нельзя сказать без слова «цвета» (по образцу *платье беж*) – *платье лазури* или *платье лазурь*. Звучало бы это бессмысленно.²⁶ Выражая признак в отвлечении от форм рода, числа и падежа, такие прилагательные свою отнесенность к имени выражают простым примыканием – аналитически.

Во многих случаях существует омонимия несклоняемого существительного и аналитического прилагательного: *теперь в моде плиссе* (мелкие складки) и *юбка плиссе* (с такими складками); *заварила мокко* (ценный сорт кофе) и *кофе мокко* (такого сорта), *купил маренго* (ткань черного цвета с белыми нитями) и *пальто маренго* (черное с сероватым отливом). В сочетании *язык коми* слово *коми* – несклоняемое существительное (ср. *язык удмуртов*), а в сочетании *коми язык*, *коми литература* омонимичное слово *коми* квалифицируется как препозитивное относительное прилагательное (ср. *русский язык*, *русская литература*).

В русском языке постоянно возрастает число неизменяемых прилагательных как специализированных определителей сортов, марок, разновидностей предметов. Большинство заимствований, относящихся к аналитическим прилагательным, принадлежит узким и специализированным речевым сферам. Однако сейчас терминология оказывает сильное влияние на общелитературный язык и удельный вес специаль-

²⁶ Другое дело обозначение не цвета (цвета предмета), а сорта (изделия, товара, растений и пр.). Сорт обозначается как прилагательным, так (часто) и существительным (в именительном падеже) в значении приложения (без слова «сорта»).

ных слов в общелитературном употреблении заметно повышается. Некоторые из них значительно расширяют свою употребительность и сочетаемость. Таковы, например, слова *пик* и *экспресс* (ср. *часы пик*, *экспресс-диагностика*).

В связи с возникновением аналитических прилагательных весьма активными являются в современном русском языке сочетания частично сокращенных слов с существительными типа *профсоюзы*, *госбанк*, *педфак*, *плавбаза* ... Это привело к тому, что многие исследователи считают данные морфемы *проф-*, *пед-*, *гос-*, *плав-* ... аналитическими прилагательными. Подобные определительные компоненты могут без сомнения восходить к заимствованиям типа *теле-*, *радио-*, *фото-*, *аэро-*, *гео-*, *гидро-*, *электро-*, *гелио-* ... (ср. *телепередача*, *радиомагазин*, *фотолаборатория*, *аэропорт*, *геоботаника*, *гелиометр*, *гидроэлектростанция*, *электроэнергия*). Это корневые заимствованные элементы, получившие в языке самостоятельное функционирование. Их семантическая и фонетическая самостоятельность слишком велика. Однако полной самостоятельности эти единицы не имеют: они не могут относительно свободно перемещаться в предложении. Многие из неизменяемых определителей этого типа имеют свое собственное ударение, менее сильное, чем у существительного – так же, как у большинства сочетаний прилагательных с существительными (нередко многими лингвистами указывается на то, что в сочетании типа *белый дом* ударно только существительное). Описываемая группа примыкающих определителей, как и весь класс аналитических прилагательных, находится еще в процессе развития, представляя во многих случаях факты скорее речевого плана, хотя речевое настойчиво кристаллизуется в языковое. Важно, однако, уже и сейчас определить и оценить возможность некоторых общих изменений в других звеньях морфологической системы. В частности, это касается действующей синтаксико-морфологической структуры выражения рода, поскольку в сочетании с такими прилагательными независимо от того, функционируют ли в качестве морфем или отдельных слов, существительные лишаются возможности обнаружить род в формах прилагательных.

Все эти явления при условии достаточно большого их распространения могли бы свидетельствовать об определенных последующих сдвигах в русской морфологической системе, о движении к аналитизму.

Развитие отвлеченных форм мышления в области математики, физики, кибернетики привело к микросдвигам в отдельных формах числительных. Сдвиги в употреблении числительных проходили по мере усиления тенденции к стандартизации математического языка. Символический язык математики отдает предпочтение наиболее лаконичным,

неизменяемым морфологическим средствам. Под влиянием профессиональной несклоняемости буквенных обозначений в устной речи математиков перестают склоняться их числовые словесно выраженные эквиваленты.

В разговорной речи перестают склоняться некоторые числительные. Например, числительное *пол-*, имеющее две падежные формы: *пол-* (им. п. – вин. п.) и *полу-* (косвенные падежи), постепенно утрачивает вторую форму (ср. *Оно молодо – ему нет и полгода, но успело проявить себя во многом.* – Из газеты). В устной речи стали нормой безаффиксные формы в предложных конструкциях типа *по пять рублей, по семь человек, по несколько дней*.

Об усилении аналитизма говорят и другие факты, малозаметные в отдельности, но в целом вызванные внутрисистемными сдвигами. У количественных числительных господствует безаффиксная форма. К нашему времени стабилизировались две формы у числительного *сто*: *сто* в номинативе и *ста* в косвенных падежах. В начале XX в. в произведениях писателей старшего поколения отмечены формы *по сту, в стах*. Отмеченная тенденция к несклоняемости сопровождается стремлением к обобщению и унификации форм косвенных падежей у некоторых числительных: *пятидесятью* вместо *пятьюдесятью*, *шестьстами* вместо *шестьюстами* и т. д. Отход от флективности заметен в образованиях сложных числительных; в разговорной речи они не склоняются, в косвенных падежах можно услышать форму им. падежа (ср. *со сто пятьдесят девятью учениками* вместо *со ста пятьюдесятью учениками*).

Из истории славянских языков известно, что с наибольшим трудом новые аналитические явления проникают в предикативные формы. Поэтому особенно важно проследить языковые явления, свидетельствующие, что в русском языке нашего времени даже предикативы проницаемы для новых влияний аналитизма. Эти влияния можно рассмотреть на функционировании т. наз. двувидовых глаголов. Изменения в составе глагольной лексики стимулировали определенные сдвиги в системе видовых форм глагола. Значительно усилился удельный вес тех средств выражения категории вида, которые характерны для двувидовых глаголов типа *механизировать, оборудовать, реконструировать*.

Подавляющее количество двувидовых глаголов (их около 600)²⁷ образовано из заимствованных элементов; двувидовые глаголы славянского происхождения (их около 70, см.: *велеть, ранить, жениться*,

²⁷ Горбачевич, К. С.: Изменения норм русского литературного языка. Ленинград, "Промышленность", 1971, с. 113.

молвить, казнить, крестить, использовать, исследовать, образовывать, напутствовать и др.) представляют собой замкнутую группу слов. Вторая группа, несравненно более многочисленная, состоит в подавляющем большинстве из глаголов, заимствованных из европейских языков. Значительный рост экономических и культурных связей с европейскими народами, явственно обнаружившийся уже с начала XVIII в., привел к проникновению в русский язык значительной струи глагольной лексики, в процессе видового освоения которой возник ряд новых явлений. Сюда относятся такие глаголы, как *импортировать, иллюстрировать, планировать, систематизировать*. Усилившиеся тенденции аналитизма создали предпосылки для относительной продуктивности двувидовых глаголов как новой модели видового оформления части новых глаголов.

Наличие такого количества двувидовых глаголов свидетельствует о том, что двувидовость составляет весомый компонент видовой системы современного русского глагола. Выбор определенного пути словообразовательного оформления заимствованных глаголов и связанного с ними способа введения их в видовую систему определялся многими факторами, внутренними и внешними. Конечно, здесь немаловажную роль сыграло то, что основные слои носителей русского литературного языка XIX в. старались сохранить внешний облик заимствуемых глаголов.

Оформление видов в новообразованиях тесно связано с наличием общих тенденций в грамматическом строе к усилению аналитизма. Совокупность этих факторов привела к тому, что уже к началу XX в. отчетливо обозначились и упрочились, хотя и на лексически ограниченном материале, новые, более аналитические, элементы в плане выражения категории видов.

Современная эволюция всех групп двувидовых глаголов приводит к тому, что двувидовость становится существенной, хотя и лексически ограниченной формой проявления категории вида в русском языке.²⁸

Синтаксический аналитизм обнаруживается в следующих типологических инновациях: 1/ в аналитизме словосочетаний (в становлении словосочетаний с аналитическими связями между компонентами); 2/ в аналитизме предложений (в возникновении аналитических связей между членами и частями предложения).

Синтаксический аналитизм на уровне словосочетания проявился в том, что в книжном языке XIX в. распространилось много глагольно-именных словосочетаний. Это в основном дублеты или синонимы

²⁸ Мучник, И. П.: Двувидовые глаголы в русском языке. Вопросы культуры речи 1961, 3, с. 113.

глаголов, как например, *иметь намерение* вместо *намереваться*, *оказать помощь* вместо *помочь*, *дать указание* вместо *указать*. Их семантика определяется субстантивным членом. Большинство этих аналитических конструкций имеет параллелизм в западноевропейских языках. В. П. Филиппова²⁹ полагает, что значительное число глагольно-именных описательных оборотов возникло уже в XVIII в. под влиянием французского языка.

В течение XIX в. распространилось употребление ряда производных предлогов, которые представляют собой кальки из французского или немецкого языков. Производные предлоги появились уже в XVIII в., но распространяться они стали во второй половине XIX в., именно в книжном стиле. Это например: *по причине* – а с use de; *ввиду* – en vue de, in Anbetracht; *в силу* – force de, kraft des; *вследствие* – en consequence, zufolge, folglich; *в течение* – im Laufe; *с помощью // при помощи* – l'aide de, mit Hilfe von; *благодаря* – grâce, dank.³⁰

Синтаксический аналитизм на уровне словосочетания находит свое главное проявление в распространении предложно-падежных сочетаний за счет беспредложных.³¹ Экспансия предложных структур началась уже давно. Вытеснение беспредложных сочетаний предложными шло на протяжении XIX в. (ср. *входить воротами* > *входить через ворота*, *далеко родины* > *далеко от родины*). В данной ситуации можно утверждать, что здесь также подействовал процесс сближения с аналитическими европейскими языками. В настоящее время этот процесс продолжает активно развиваться. Падежи заменяются предлогами и при существительных, и при глаголах, и при прилагательных. При одновременном существовании падежной и предложной конструкций часто имеет место их семантическая дифференциация. Для иллюстрации можно привести случаи, когда обе конкурирующие формы выступают в одной синтаксической позиции (ср. *пункт проката // пункт по прокату*, *теребить бороду деда // теребить деда за бороду*, *глаза Маши голубые // глаза у Маши голубые*, *опыт работы // опыт в работе*, *итог полугодия // итог за полугодие*, *план выпуска // план по выпуску*, *похожий характером // похожий по характеру*).

Синтаксис, подобно как и морфология, малопроницаем для непосредственных социальных воздействий. Социальные факторы влияют на синтаксис чаще всего опосредственно через язык разговорный. Устно-

²⁹ Филиппова, В. М.: Развитие глагольной фразеологии в русском литературном языке. 30–90-е годы XIX века. Москва – Ленинград, "Наука", 1965, с. 3–160.

³⁰ Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Под ред. В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой. Т. 4: Изменения в системе словосочетаний в русском литературном языке XIX века. Москва, "Наука", 1964, с. 17–127.

³¹ Очерки ... Т. 4, с. 9.

разговорные конструкции повлияли на продуктивность многих синтаксических единиц в письменной речи самых различных жанров. Насыщенность литературного языка специфически разговорными конструкциями постепенно возрастает.³² Разговорный синтаксис характеризуется фрагментарностью, расчлененностью речевой цепи. Эта особенность оказала сильное влияние и в ней можно усматривать аналитизм предложения. Синтаксически связанный текст в экспрессивных целях расчленяется на интонационно обоснованные отрезки, отделяемые знаком точки (ср. *И вот наступил последний предстартовый день. Ясный, солнечный, тихий.*). Можно наблюдать возрастание употребительности именительного падежа в функции несогласованного определения (ср. *телепередача Луна-Земля, районный поселок Диканька, по поводу диспута номер три, мы из квартиры двадцать шесть*).

Исследователи синтаксиса современного русского языка среди средств экспрессии выделяют т. наз. назывные предложения, т. е. именные предложения, в которых нет глагола.³³ Особое развитие этих конструкций объясняется прежде всего их лаконичностью и образительностью. Хотя названные предложения являются конструкциями книжного стиля, они широко обслуживают потребности массовой коммуникации, употребляясь, прежде всего, в языке газеты в качестве заголовка (ср. *Для колхозников, Общественность и правопорядок*). Эти конструкции становятся базой для образования вторичных предлогов и союзов (ср. *в ходе выполнения задания, с учетом перегрузки, в целях улучшения условий*).³⁴ К субстантивации современной русской речи можно отнести также предложения с двумя фактическими субъектами, пользуясь параллельно местоимением (ср. *Стабилизация, она может наступить*).

Влияние разговорной речи проявляется и в активизации предложений, имеющих форму двучленных сложноподчиненных предложений и характеризующихся резкой противопоставленностью своих частей. Конструкции этого типа – это двучленные предложения со взаимосвязанными частями (ср. *Что он любил – это музыку*). Эти предложения представляют собой конденсацию сложных синтаксических

³² Шведова, Н. Ю.: Активные процессы в современном синтаксисе (словосочетание). Москва, "Просвещение", 1966, с. 11.

³³ Bauer, J. – Mrázek, R. – Žaža, S.: Příruční mluvnice ruštiny pro Čechy II. SPN, Praha 1979¹, s. 130–137.

Современный русский язык. Для филологических специальностей вузов. Изд. 5-ое, переработанное. Москва, "Высшая школа", 1987, с. 348–352.

³⁴ Каламова, Х. А.: Отыменные предлоги в современном русском языке, их значение и употребление. Русский язык в школе 1964, 6, с. 61–63.

средств.³⁵ Результатом опрощения являются и именные «неполные» предложения со значением побуждения, долженствования (см. *Миру – мир, Государству – хлеб*).

Процесс сжатия наблюдается в проникновении в литературный язык разговорных построений, представляющих собой трансформацию сложноподчиненных предложений в одночленную структуру, в которой придаточное предложение сливается с главным (см. *Ты могла бы говорить о чем хотела // ... о том, о чем хотела*).

В результате стремления к экономии речевых средств в публицистике последних десятилетий возникли резко интонационно расчлененные двухэлементные предложения-лозунги со словами *да* или *нет* в функции сказуемого с подлежащим-существительным в им. падеже или с дополнением-зависимой формой дат. падежа, называющими утверждаемый или отрицаемый объект (см. *Дружба – да, Нет – войне*).

Языковая ситуация второй половины 80-х–90-х годов во многом напоминает эпоху, которая наступила после революционных событий в 1917 г. Сходными являются социалингвистические обстоятельства, возникшие благодаря новым формам общественной и политической жизни. Если говорить об их отражении в современном языке, то надо будет в основном отметить, что в нем подвижны именно те незначительные изменения, которые создали картину текучести морфологии в первой половине XX в. Но в разных областях языка они функционируют по-разному. В конце 80-х годов – в 90-е годы с оживлением общественно-политических интересов различных слоев и групп населения возросла роль средств массовой информации, а вместе с тем и роль языка радио, телевидения, газет. Главное в языке радио- и телевизионных передач – это отчетливая тенденция к аналитизму. Некоторые аналитические явления в 90-е годы, по сравнению с первой половиной XX в., упрочивают свои позиции.³⁶

³⁵ Улуханов, Г. П.: Типы предложений разговорной речи, соотносительные со сложными синтаксическими единствами. In: Развитие синтаксиса современного русского языка. Москва, изд-во АН СССР, 1966, с. 23–53.

³⁶ Шапошников, В.: Русская речь 1990-х гг. Современная Россия в языковом отображении. Москва, МАЛП, 1998, с. 233–235.

